

Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты

Аннотация. В статье уделено внимание определению понятия и признаков соучастия особого рода. Исходя из основных черт, присущих такому соучастию, сделан вывод, что к *sui generis* относятся наиболее опасные организованные формы соучастия: организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). По причине того, что сам факт объединения нескольких лиц в указанные преступные группы представляет серьезную общественную опасность, законодатель посчитал необходимым запретить создание организованной группы или преступного сообщества, руководство, а равно участие в них в так называемых специальных нормах Особенной части УК РФ: ст. 205.4, 208, 209, 210, 282.1. Специфика данных норм о соучастии заключается в том, что именно в них можно увидеть характерные черты, присущие соучастию особого рода. В проведенном исследовании выявлены сходные черты между соучастием особого рода и организационной преступной деятельностью, самостоятельная ответственность за которую также установлена в статьях Особенной части УК РФ. Организационная преступная деятельность является понятием более широким и включает в том числе ответственность: 1) за организацию конкретных преступлений либо за организацию незаконной (деструктивной) деятельности (ст. 110.2, ч. 4 ст. 205.1, ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 232, ч. 1 ст. 241, ст. 279, ч. 1 ст. 322.1 УК РФ); 2) за организацию деятельности различных объединений, в отношении которых есть решение о ликвидации (запрете) либо признание их нежелательными (ст. 205.5, 239, 282.2, 284.1 УК РФ).

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, организатор, организованная группа, организационная преступная деятельность, преступное сообщество (преступная организация), специальные нормы о соучастии, соучастие особого рода, формы соучастия.

Виктория Владимировна ПАЛИЙ,
доцент кафедры
уголовного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
paliyka_82@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.98.10.081-088

VICTORIA V. PALIY,

Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

paliyka_82@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Complicity of a Special Kind (sui generis): Definition, Essence and Main Features

Abstract. The article pays attention to the definition of the concept and characteristics of complicity of a special kind (*sui generis*). On the basis of the main features inherent in such complicity it is concluded that the most

© В. В. Палий, 2022

dangerous organized forms of complicity such as organized group and criminal society (criminal organization) belong to the sui generis. Due to the fact that the very association of several persons into these criminal groups poses a serious public danger, the legislator considered it necessary to prohibit the creation of an organized group or a criminal community, their management and participation in them in special norms of the Special part of the Criminal Code of the RF: art. 205.4, 208, 209, 210, 282.1. The specificity of these norms on complicity lies in the fact that only they represent the characteristic features inherent in sui generis. The study reveals similarities between sui generis and the organizational criminal activity, the independent responsibility for which is also established in the articles of the Special part of the Criminal Code of the RF. Organizational criminal activity is a broader concept and includes responsibility for: 1) the organization of specific crimes or for the organization of illegal (destructive) activity (art. 110.2, part 4 art. 205.1, part 1 art. 212, part 1 art. 232, part 1 art. 241, art. 279, part 1 of art. 322.1 of the Criminal Code); 2) for the organization of the activities of various associations, in respect of which there is a decision on their liquidation (prohibition) or recognition as undesirable (articles 205.5, 239, 282.2, 284.1 of the Criminal Code).

Keywords: *illegal armed formation, organizer, organized group, organized criminal activity, criminal association (criminal organization), special rules on complicity, complicity of a special kind, forms of complicity.*

В юридической литературе под соучастием особого рода (*sui generis*) принято понимать организованную и наиболее опасную совместную преступную деятельность, которая характерна для таких форм соучастия, как организованная группа и преступное сообщество (преступной организации). Определяющими признаками таких объединений могут выступать высокий уровень организованности, предварительное соглашение, наличие организатора (руководителя), сложные, устойчивые организационные формы преступной деятельности, наличие цели совершения преступлений совместно, образование структурных подразделений, предварительная преступная деятельность, связанная с подготовкой совершения преступлений участниками группы, длительный промежуток существования, стабильность состава, четкая согласованность действий, наличие дисциплины, основанной на собственных нормах поведения и системы мер воздействия и т.п.

Как в свое время отмечал А. Н. Трайнин, «соучастие особого рода есть длительное сплоченное соучастие, готовый людской аппарат для совершения преступлений»¹. На сегодняшний день можно сказать, что соучастие особого рода с точки зрения своего построения характеризуется качественно большей усложненностью, а точнее, организованностью. В наиболее опасных формах организованность проявляется в таком элементе, как структурированность (например, наличие центра и региональных подразделений; сектора по связям со средствами массовой информации).

¹ Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 270.

Представляется, что структурированность характерна для всех организованных преступных групп. Так, А. Мондохонов в качестве структурных подразделений предлагает рассматривать исключительно организованные формы соучастия, а именно организованные группы². В судебной практике также можно встретить случаи признания преступного объединения организованной группой по признаку структурированности³.

То, что такая соорганизованность участников представляет более высокую общественную опасность, было учтено законодателем в действующем УК РФ. Общее понятие наиболее опасных форм соучастия дается в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ. Конкретные проявления *sui generis* закреплены в законе как отдельные преступления (специальные составы) в ст. 205.4, ст. 208, ст. 209, ст. 210, ст. 282.1 УК РФ. Опасность соучастия особого рода побудила законодателя предусмотреть уголовную наказуемость за сам факт создания преступного объединения, руководство им и участия в нем. Момент окончания таких преступлений связан с моментом создания соответствующих преступных объединений, деятельность которых направлена на совершение деяний, запрещенных уголовным законом.

Круг преступлений, в которых криминализована самостоятельно деятельность лиц по созданию, руководству и участию в группе, ставящей своей целью преступную либо деструктивную для общества деятельность, в науке уголовного права называют организационной преступной деятельностью⁴. Действительно, между соучастием особого рода и организационной преступной деятельностью прослеживается ряд сходных черт.

Во-первых, для них законодатель выделяет ряд отдельных норм в Особенной части УК РФ. Во-вторых, в таких нормах организатор, выполняющий функции создателя преступного объединения и (или) его руководителя, по воле законодателя превращается в исполнителя. В-третьих, за сам факт создания преступного формирования, его руководства, создание условий для совершения таким объединением преступлений предусмотрена уголовная ответственность как за оконченный состав преступления в отдельных статьях Особенной части УК РФ.

По общему правилу ответственность за создание преступного объединения должна наступать за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых оно было создано (исключением являются категории преступлений небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 30 УК РФ)). В-четвертых, все преступления, которые совершаются такими группами, требуют кумулятивной оценки по нормам Особенной части.

Вместе с тем отождествлять организационную преступную деятельность и соучастие особого рода недопустимо. К проявлениям организационной преступной деятельности относятся в том числе ситуации, когда законодатель устанавливает

² См.: Мондохонов А. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 39—41.

³ См.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.08.2011 № 9-О11-44 // URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/5f95ff4ccbff87ed21c4eef1ef12028f/> (дата обращения 22.06.2022).

⁴ См.: Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2009. С. 152.

самостоятельную ответственность за организацию конкретных преступлений либо за организацию незаконной (деструктивной) деятельности. К такой группе относятся преступления, предусмотренные ст. 110.2, ч. 4 ст. 205.1, ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 232, ч. 1 ст. 241, ст. 279, ч. 1 ст. 322.1 УК РФ.

Соответственно, там, где возникает фигура организатора иной незаконной деятельности (например, занятия проституцией), вообще неуместно говорить об институте соучастия. Законодатель здесь посчитал необходимым признавать преступной прежде всего организацию такой деятельности. В такой ситуации, скорее, следует говорить о преступной организационной деятельности.

Также в нормах Особенной части УК РФ закреплена самостоятельная ответственность за организацию деятельности различных объединений, а именно деятельности террористической организации, деятельности организации некоммерческой, посягающей на личность и права граждан, деятельности экстремистской организации, деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Группу преступлений, предусмотренных ст. 205.5, 239, 282.2, 284.1 УК РФ, объединяет то, что в них не указана преступная цель. Итогом деятельности организатора в таких случаях не становится создание организованной группы или преступной организации, которые, согласно институту соучастия, всегда преследуют преступные цели. Это вызывает вопрос о допустимости их рассмотрения как соучастия особого рода. Относительно террористической и экстремистской организации А. Г. Хлебушкин считает, что в УК РФ отсутствуют основания признавать их криминальными формированиями и какой-либо формой соучастия (даже с учетом того, что терроризм не преступным быть не может)⁵.

Таким образом, преступная деятельность организатора, за которую предусмотрена ответственность по УК РФ, может проявляться в различных формах поведения: 1) организация совершения преступления; 2) образование организованной группы или преступного сообщества; 3) руководство совершением преступления, руководство преступной группой; 4) организация деятельности, которая сама по себе не является криминальной, но имеет незаконный (деструктивный) характер; 5) организация объединений (организаций), в отношении которых есть решение о ликвидации (запрете) либо признание их нежелательными.

В случае организации запрещенных организаций не требуется устанавливать, что деятельность организатора либо участников таких объединений свидетельствует о готовности совершения запланированных преступлений. Иначе, когда организатор создает преступную организованную группу и (или) руководит такой группой, необходимо чтобы группа проявила свою деятельность как минимум на стадии приготовления к конкретному преступлению⁶.

⁵ См.: Хлебушкин А. Г. Некоторые проблемы соучастия особого рода (*sui generis*) по УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XV Международной научно-практической конференции (Москва, 25—26 января 2018 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 426.

⁶ См.: Молчанов Д. М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 132.

Так, сущность экстремистского сообщества заключается в совершении преступлений экстремистской направленности, а у экстремистской организации отсутствует такая целенаправленность. Подтверждением сказанного является определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции на кассационную жалобу осужденного К., в которой оспаривалась обоснованность осуждения К. по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ. Приводя решения ЕСПЧ, касающиеся деятельности свидетелей Иеговы, К. считал, что свойственные свидетелям Иеговы способы выражения веры, включая совместные богослужения, не могли рассматриваться судом по данному делу как общественно опасные деяния, запрещенные УК РФ. Распространение вероучения в целях привлечения новых последователей естественно для любой религии. К. не преследовал цели создавать религиозное объединение с направленностью на противоправную деятельность.

Вопреки доводам жалобы осужденного К. он признан виновным за организацию деятельности религиозного объединения, признанного Верховным Судом РФ экстремистским, а не за выражение религиозных убеждений. Материалами дела установлено, что после признания организации экстремистской К. продолжил управление данной организацией, используя ранее созданную инфраструктуру организации, ее материальную базу: организовывал и проводил собрания свидетелей Иеговы, давал указания организационного характера, направленные на привлечение в организацию новых членов, принятие мер конспирации, давал оценку деятельности членов организации по исполнению возложенных на них обязанностей, осуществлял сбор пожертвований, необходимых для финансирования нужд организации⁷. Из этого следует, что деятельность организатора экстремистской организации не была ориентирована на решение именно криминальных задач.

Соответственно, те организации, в которых законодатель не прописывает цель совершения преступления, невозможно отнести к какой-либо форме соучастия. В связи с этим в юридической литературе остается спорным вопрос о сущности и правовой природе незаконного вооруженного формирования (НВФ) и о допустимости отнесения к соучастию особого рода, поскольку законодатель также не прописывает цели, для которых создается такое формирование. Изученные материалы судебной практики свидетельствуют в пользу признания незаконного вооруженного формирования преступным объединением.

Так, в решении по конкретному делу, суд указал, что в процессе создания НВФ разработана их структура, система управления и материального обеспечения; имеется строгая подчиненность, ведется активная вербовка лиц; на вооружении НВФ имеются различные виды огнестрельного оружия, бронетехника и средства связи, созданы полевые лагеря, предназначенные для обучения вновь завербованных участников ведению боевых действий⁸.

Относительно цели встретилась следующая формулировка: «Деятельность НВФ направлена на изменение конституционного строя, совершение преступлений и в отношении сотрудников правоохранительных органов, силовых

⁷ См.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 по делу № 77-246/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приговор № 1-78/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 1-78/2020 // URL: <https://sudact.ru>.

подразделений и мирных жителей, в том числе проживающих там граждан Российской Федерации, совершение диверсий против объектов жизнеобеспечения и социально-экономической инфраструктуры»⁹.

Целями НВФ были провозглашены блокада полуострова Крым со стороны украинской границы, а также насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, в том числе путем осуществления вооруженной борьбы, направленной на выход из состава Российской Федерации Республики Крым¹⁰.

Таким образом, в незаконном вооруженном формировании действует система подчиненности, строгое разделение обязанностей и наличие общей цели. Из этого видно, что по своим характеристикам незаконное вооруженное формирование более сходно с организованной группой. Однако численность состава такой группы может быть достаточно велика, что не исключает возможность ее оценки как преступного сообщества. Так, численность личного состава НВФ «Крымско-татарский добровольческий батальон имени Номана Челебиджихана» составляла не менее 150 человек. 1 июня 2022 г. Верховный Суд России признал формирование террористическим и запретил его деятельность на территории страны.

Возникает вопрос о признании на сегодняшний день такого незаконного вооруженного формирования особой формой соучастия. Представляется, что, несмотря на последовательную «эволюцию» незаконного вооруженного формирования в террористическую организацию, конкуренция норм о НВФ и террористической организации исключается. Верховный Суд РФ на сегодняшний день формулирует общее правило, согласно которому, если лицо является участником нескольких, в том числе взаимосвязанных преступных объединений, его действия оцениваются по совокупности норм, в которых предусмотрена ответственность за участие в таких самостоятельных объединениях.

Представляется, что не исключается совокупность преступлений и в тех случаях, когда участник незаконного вооруженного формирования продолжает участие в такой организации, несмотря на решение суда о ликвидации (запрете ее деятельности). Тем самым лицо совершает новое преступление, а именно, выполняет объективную сторону иного, хотя и взаимосвязанного состава преступления.

Таким образом, исследование различных проявлений организационной преступной деятельности показало, что она всегда предполагает наличие организатора, но не обязательно наличие той либо иной формы соучастия. Кроме того, специальные нормы о соучастии могут также предусматривать так называемые случаи необходимого соучастия (например, ст. 150, 205.1, 212, 279 УК РФ). Соучастие необходимое (*concursum necessarium*) предполагает конкретную функцию лица в совершении умышленного преступления, в котором проявление множественности в виде совместной деятельности нескольких лиц выступает в качестве признака, специально предусмотренного в статьях Особенной части УК РФ.

Конструируя составы преступлений с необходимым соучастием, законодатель чаще всего использует такие термины, как «организация деятельности», «пособничество», «содействие», «склонение», «вербовка», «финансирование»,

⁹ Приговор № 1-45/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 1-45/2020 // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁰ Приговор № 1-44/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 1-44/2020 // URL: <https://sudact.ru>.

«вовлечение». Суть таких посягательств состоит в предваряющей совершению конкретных преступлений деятельности вне связи с преступными объединениями.

Сущность соучастия особого рода состоит в том, что итогом организаторской деятельности является создание преступного объединения, закрепленного ч. 3 либо 4 ст. 35 УК РФ. В части 5 ст. 35 УК РФ неслучайно перечисляется определенный круг преступлений, поскольку именно в данных нормах и закреплены особые формы соучастия. Такие формы соучастия объединяет ряд особенностей. Например, деятельность организатора в виде создания либо руководства уже существующей организованной группой или преступным сообществом всегда является преступлением окончанным.

Согласно судебной практике «создание» необходимо рассматривать как результативное деяние. Если активные действия лица, направленные на создание преступного объединения, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим, независящим от этого лица обстоятельствам не привели к возникновению такого объединения, они подлежат квалификации как приготовление или покушение на создание организованной группы либо преступной организации¹¹.

Соответственно, включение законодателем в УК РФ норм, предусматривающих соучастие особого рода, было связано с необходимостью показать более высокую опасность деятельности участников организованных преступных групп по приготовлению к совершению конкретных преступлений.

Еще одной особенностью, характерной для соучастия особого рода являются предложенные Верховным Судом РФ правила квалификации действий организатора преступления, которое совершено в составе организованного им преступного объединения. Несмотря на то, что при совершении конкретного преступления преступной организацией происходит распределение ролей среди соучастников, все участники признаются соисполнителями¹².

На первый взгляд рассматриваемая позиция Верховного Суда РФ продиктована представлением о том, что с учетом устойчивости и высокой степени совместности организованной группы и преступного сообщества любую выполняемую в них функцию необходимо приравнять к роли наиболее опасного, по мнению суда, вида соучастника — исполнителя преступления. Таким образом, усиливая до роли исполнителя действия соучастников, выполняющих вспомогательные функции, Верховный Суд РФ внедрил практику квалификации всех лиц, совершивших преступление в составе организованной группы либо преступного сообщества, как исполнителей преступления. Однако, как справедливо отмечает

¹¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». П. 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. См. также: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». П. 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

¹² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». П. 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Ю. А. Клименко, «на сегодняшний день организатор нередко является самым опасным из соучастников, даже опаснее исполнителя. Следовательно, применительно к организатору изложенное правило достигает обратного эффекта: его деятельность оценивается как менее опасная, чем есть на самом деле»¹³.

Кроме того, такой подход, сложившийся в судебной практике, противоречит законодательной логике, поскольку в специальных нормах, предусматривающих соучастие особого рода, законодатель стремится дифференцировать ответственность участников преступных групп. Так, в ч. 1 ст. 208 УК РФ отдельно указывается финансирование незаконного вооруженного формирования. В части 1.1 ст. 282.1 УК РФ выделены специальные виды подстрекательства в деятельности сообщества экстремистского. Специальные виды подстрекательства в совершении преступлений террористического характера, а равно финансировании терроризма, предусмотрены в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Применительно к такой ситуации Пленум Верховного Суда РФ указывает, что вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, совершенное организатором (руководителем) такого сообщества, охватывается ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ.

Если склонение, вербовка или иное вовлечение в указанную деятельность совершено иным участником, то его действия квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282.1 УК РФ и ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ.

Такая позиция свидетельствует о том, что фигура организатора формально включает деятельность подстрекателя и пособника, кроме исполнителя. Соответственно, по нашему мнению, ошибочной является позиция Верховного Суда РФ о том, что все участники преступного объединения должны признаваться соисполнителями совершенного преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Клименко Ю. А.* Организатор преступления: вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 7. — С. 119—128.
2. *Малиновский В. В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А. И. Чучаев. — М., 2009.
3. *Молчанов Д. М.* Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 12. — С. 118—133.
4. *Мондохонов А.* Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 39—41.
5. *Трайнин А. Н.* Избранные труды. — СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. — 898 с.
6. *Хлебушкин А. Г.* Некоторые проблемы соучастия особого рода (sui generis) по УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции (Москва, 25—26 января 2018 г.). — М.: РГ-Пресс, 2018. — С. 424—427.

¹³ *Клименко Ю. А.* Организатор преступления: вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7. С. 121.